

УДК 81.161

ПРАВДА И ЛОЖЬ ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Синельникова Л.Н.

Quid est veritas? – «Что есть истина?»
(Библия – слова Пилата)

Понятия *парадокс*, *антиномия*, *контрадикторность* содержат общий пояснительный компонент – противоречие. Однако само понятие «противоречие» крайне противоречно.

Противоречие в формальной логике возникает тогда, когда два суждения одинаково доказуемы, что, естественно, подрывает представление об истинности и истине и стимулирует поиск действий по устранению противоречий.

Понятие **антиномии** (греч. – противоречие в законе) возникло ещё в античности и было предметом внимания многих философов, считавших антиномичным тот факт, что каждое из положений может быть логически доказанным: прерывность и непрерывность материи, конечность и бесконечность мира и др.

Контрадикторность строится на противоречивых суждениях, исключаящих друг друга (например, *все люди лживы и некоторые люди не лгут*), при этом одно из контрадикторных суждений необходимо ложно, другое – истинно.

Противоречия снижают роль показателей истинности, откуда беспокойство логиков и философов разных времён и разных взглядов. Логика обосновывает возможные способы рассуждения, связывает их с понятием истинности и считает невозможными те, которые не гарантируют истинности выводного знания. Но «истинно / ложно» с трудом ориентируется на однозначный результат. Существование миропорядка и возможность его познаваемости порождают бесконечные споры. Вот почему «бесчисленные Пилаты спрашивают, зевая от скуки: «Что есть истина?» (цит. по: [4, с. 120]).

Парадокс (греч. – *неожиданный, необыкновенный, странный*) – мнение, суждение, резко расходящееся с обычным, противоречащее здравому смыслу; неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям. Как видим, говорить о парадоксальных суждениях можно, только получив представление о норме, с одной стороны, и о здравом смысле – с другой. Что касается *здравого смысла*, здесь ещё больше неясностей (вряд ли кто-нибудь в наше время рискнёт дефинировать это понятие). Столь же не просто понимание нормы. Существует множество норм, призванных обеспечить разного рода взаимоотношения. – этические, этикетные, языковые, коммуникативные и т.д.

Ни одно из встретившихся нам определений понятий контрадикторного характера не проясняет до конца сути противоречия, и в этом можно усмотреть существенный когнитивный фактор: отсутствие вразумительных объяснений «спасает» противоречия, без которых, вероятно, невозможен мир и невозможна наука, его объясняющая.

Противоречия связаны с диалектическим процессом познания, они выражают глубокие гносеологические трудности этого процесса, заставляют задуматься о

принципах ментальной деятельности. «Парадоксы играют роль того окошка в доменной печи, которое позволяет заглянуть в скрытую от обычного взгляда лабораторию познавательной деятельности, увидеть приёмы и принципы, обычно остающиеся вне поля зрения и, казалось бы, столь самоочевидные, что мы их принимаем без обоснования» [8, с. 468].

Парадоксы заставляют задуматься о принципах, вербальных возможностях и результатах ментальной деятельности человека, о вопросах референции, соотношении типов знания и механизмов понимания, о нарушении законов и норм и, возможно, о связи нарушений норм с истиной.

Контексты, высказывания, попадающие под рубрику противоречивых, существенно различаются по своей природе и могут получить разную интерпретацию, так как понимание носит плюралитный, множественный характер.

Наверное, бесспорным можно признать одно: жёсткие правила и соглашения далеко не всегда обусловлены особенностями человеческого сознания и не являются законами природной деятельности человека. Во всяком случае, они могут оказаться недостаточными для детерминации условий истинности.

«Что заставляет факты отбрасывать речевую, словесную тень? Тени сами не падают, необходим свет. Это смысл» [4, с. 116]. Смысл парадокса иногда трудно доказать, но доказать отсутствие смысла ещё труднее. Ощущение смысла может прийти мгновенно, даже в том случае, если на вербальном уровне он оформлен как абсурд – бессмыслица, нелепость. «Смысла нет ни в чём, это мы все прекрасно знаем», – писал Ионеско в одной из своих пьес. «Всё бессмысленно, кроме бессмыслицы. Всё нереально, кроме нереального» (Г. Иванов). «Всё хорошо, но бессмысленно. Бессмысленно говорить: говорить мешает думать» (А.М. Пятигорский). Всё это референциально не прозрачные (о понятии «референциальная непрозрачность» см. [5]), но содержательно богатые контексты, расширяющие психологическое пространство понимания. Отрицание смысла в этих случаях само оказывается смыслом: бессмыслица спасает смысл.

Удивительно, что доверие к бессмыслице может возникать быстрее, чем доверие к смыслу. Пример – произведения Л. Керролла, построенные на «конструктивном абсурде». Этот феномен привлёк внимание к проблемам семантической корректности, девиациям, способным порождать особый смысл. Примеров конструктивного абсурда предостаточно в литературе определённых жанров (чего стоит «Сначала намечались торжества, потом аресты, потом решили совместить» Шварца, или « – Ваше идеологическое кредо? – Всегда» Ильфа и Петрова!).

Парадоксальные построения оказываются самопорождающей смысловой системой, выстраивающей семантическую линию, идущую параллельно с нормативной семантикой слова или, точнее, «надстраивающуюся» над ней. Смысл существует во множестве модальностей. Парадоксальная модальность – модальность противоречия, неожиданного положения вещей – самая сложная, не поддающаяся простому ранжированию по шкале «хорошо / плохо». Она принимается в том виде, в котором вербально представлена. Противоречивый смысл можно переформулировать, можно сопроводить длинным комментарием с широким привлечением внелингвистических деталей, но и в переформулированном виде останутся сигналы противоречия, концентрированно переданные в парадоксе. В самом деле, как переформулировать фрагмент критического дискурса по поводу некоторых современных учебников истории: «Мнение составителей учебника по истории не всегда совпадает с самой

историей» (перед этим: «Школьный учебник истории, как жулик на допросе, постоянно меняет свои показания»).

Парадокс блокирует снятие противоречия, приведение высказанного в норму, и это свидетельствует о том, что противоречивая конструкция строится не для того, чтобы её проектировали на некую норму, а для того, чтобы в ней увидели не-норму как признак особого положения вещей, а может быть, и как свойство мира, а не только свойство сознания. Просьба разъяснить парадоксальное высказывание снижает статус адресата и может быть оправданной только при условии полного отсутствия у коммуникантов пресуппозиции.

Природа правил сложна и изменчива. Фетишизируя правила, мы можем упростить представление о мироустройстве и возможностях человеческого познания. В парадоксе сталкиваются разные системы правил. Столкновение не игнорирует правило из простого нигилистического замысла, а в особой вербально-содержательной форме являет его или служит накоплению доказательств для новых правил. «В естественном мире природы и языка ненормативность помогает обнаружить норму и правило», – пишет Н.Д. Арутюнова [3, с. 79]. Речь идёт о том, что восприятие фиксирует аномальные явления, отделяет их от фона. И тогда понятно, почему больше всего противоречивых построений пребывает в поэзии, широко применяющей приём остранения, в публицистике (особенно в заголовках), в афористике. «Человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания. Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» [3, с. 76]. Парадоксы элиминированы из контекста строго логических теорий, как ментальные монстры. Но выравнивание смысла парадокса через уравнивание отношений между словом и значением лишено смысла: получим суррогатный заменитель смысла, то есть никакой тождественности сказанного вне нормы и переведённого в норму быть не может. В парадоксе существует только тот смысл, который мы в состоянии обнаружить, понять как именно парадоксальный и никакой другой. «Нарушение законов логики не всегда говорит о пороке мысли. Оно может говорить о пороке мира и человека» [2, с. 9].

Со времён античности известен *парадокс лжеца*, или парадокс самофальсификации, считающийся в логике лишённым смысла и неприемлемым. Напомню о сути этого парадокса: никакое суждение не может быть авторефлексивным, то есть содержать само себя в качестве основного довода. Например, «Все суждения ложны», или «На свете нет здравомыслящих людей», или «Ни один политик не вызывает доверия» (особенно очевиден парадокс лжеца, если об этом говорит сам политик). Парадокс лжеца представлен в авторефлексивных высказываниях типа: «Я даже не буду говорить о...», «Я ни слова не скажу о...» – и далее пространное изложение того, о чём не собирался говорить; в утверждениях о собственном уме, скромности, порядочности, таланте и под., так как доказательства этих качеств от первого лица ведут к сомнению в них.

А.Д. Шмелёв приводит пример парадокса лжеца «в чистом виде» – высказывание Разумихина из «Преступления и наказания» Достоевского: «Все мы врём, потому что и я тоже вру, но доврёмся же, наконец, и до правды...» [9, с. 93].

Аналогом парадокса лжеца можно считать такое высказывание А. Битова об И. Бродском: «Иосиф был футболистом, которым никогда не был, лётчиком, которым никогда не был, путешественником, которым никогда не был» (телепрограмма, посвящённая годовщине смерти поэта). С точки зрения законов логики, здесь две

самофальсификации – самого говорящего и того, о ком он говорит. Но речь идёт о поэте, и события, которые он описывает, относятся к его внутренним переживаниям. Мысли о воображаемом не нуждаются в событийной опоре биографического характера. «Пушкин лишь раз выезжал за пределы отечества, да и то в обстоятельствах экстремальных. Для Шекспира индивидуально обозримая вселенная уместилась между Стратфордом и Лондоном, а Рембрандту не понадобилось даже переезжать из Лейдена в Амстердам, чтобы с такой глубиной отобразить человеческую природу. Видимо, главное всё-таки в душе творца. То, что Шекспир, Рембрандт, Пушкин видели и переживали (а они видели и пережили многое), существенно не как факт действительности, а как достояние их необычайного внутреннего мира» [4, с. 122]. Речь идёт о метафизическом опыте поэта, об особой форме мысли и пллюкутивной логике, не выводимой из значений слов, а связанной со смыслом. Отсутствие пространственно-временных ограничений в представлении мира от первого лица – норма поэтического нарратива («Охватывает дрожь чужого опыта», – писала Б. Ахмадулина).

Известен соотносимый с парадоксом лжеца *парадокс Мура* – психологически нецелесообразные построения. Хрестоматийный пример: «Идёт дождь, но я так не считаю» или не совсем хрестоматийный: «Вижу – летит, но сомневаюсь» и совсем не хрестоматийный: « – Вы видите проявление толерантности? Нет! И я не вижу. Но она есть». Нарушение логики утверждения можно оценить как «пллюкутивное самоубийство» (термин, подчёркивающий произвольность суждений, а вместе с этим и коммуникативной установки, невыполнимость постулатов общения) или как игру с собственным знанием, с собственным речевым поведением и, следовательно, с собеседником. «Парадокс Мура» – это фиксация непоследовательности и, следовательно, очевидной противоречивости речевых действий. В поэзии этот приём может когнитивно эксплицироваться и получать «извинительную» мотивировку.

Он. Облетают овощи в саду...

Она. Овощи?

Он. Ну, право, ты – зануда!..

Она. Но ведь овощи не облетают!

Он. Нет!

Но пойми ты это – я – поэт. (Л. Завальнюк)

Существует понятие «парадокс лица», регулирующий механизмы вежливости. «Лицо – это репрезентация себя каждым членом социума. Изменение лица допустимо только в сторону позитива, но потеря лица чревата коммуникативным провалом, конфликтом. Парадокс лица заключается в том, что, заботясь о сохранении лица, коммуникант теряет свободу самовыражения» [7, с. 122].

Коммуникативно-речевые постулаты: будь информативным, но не более чем требуется; правдивым (не говори того, что ты считаешь неправдивым); релевантным (говори в соответствии с темой общения); избегай неясных выражений, двусмысленности, ненужной избыточности – мало кто соблюдает в реальном общении. Вариативность, свободное обращение с коммуникативными предписаниями такого рода обеспечивают гибкость и в конечном счёте эффективность общения.

Любой текст ориентирован на понимание. Текст, строящийся на противоречиях разного рода, – не исключение. Но понимание здесь, безусловно, особого рода, оно зависит от характера противоречия, его адресованности и многих других причин, каждая из которых может быть рассмотрена отдельно.

Аномальные с точки зрения семантики совмещаемых лексических единиц построения создают эффект многопланового видения «тем больше, чем больше глубина

залегания исключających друг друга смыслов в семантических структурах сочетающихся единиц» [1, с. 90]. Абсолютно подтверждающий этот закон пример: «Я отомщу Украине... любовью» (Параджанов). В других случаях понимание требует обращения к ситуативной семантике: «Ледниковый период в эпоху глобального потепления», «Уличные бои в эпоху стабильности» – нарушение принципа соответствия, и «проверка на истину» лежит в знании социальных фактов.

Любопытны семантико-стилистические парадоксы, дискурсивно регулирующие качество сообщаемой информации через отнесённость синонимов к разным мирам: «Мы не должны, но мы призваны», «Ты им не нужна. Но ты им необходима» – предикат долженствования переводит информацию в более высокую шкалу ценностей. Куда чаще – и это особенность современной дискурсивной культуры – идёт «игра на понижение», и нейтральное или книжное выражение поясняется сниженным, на базе которого, к сожалению, в большей мере формируется языковой вкус эпохи, и ненормативная лексика получает преимущественное право толкования: «– Нам нужно найти общий язык. – А на самом деле они хотят скрутить вам башку» (диалог киногероев), «– Ему сделали порицание. – Это типа заказали? (НТВ, программа «И это правильно»), «То, что можно назвать пассионарностью или, по-простецки, драйвом» (радио «Свобода», программа «С христианской точки зрения»), «До перестройки Коля назывался фарцовщик, теперь бизнесмен». Напрашивается парадоксальный вывод: действительность – это то, что о ней можно сказать в парадоксе. Не удержусь привести пример, который трудно квалифицировать лингвистически, это, скорее, парадокс самого времени, стремящегося остаться без памяти и без вербальной ответственности: «Сникерсни в своём формате!» – рекламная растяжка над зданием бывшей библиотеки имени Ленина в Москве.

Парадоксальны конструкции эшлятивного характера типа: «Учёный должен быть более учёным, чем сама наука», «Женщина должна быть более сексуальной, чем сам секс»: признак, являющийся точкой отсчёта для сопоставления, не определён в нормативных характеристиках, но градуирован в парадоксе. Своеобразно «раблезианство» рекламных текстов переносится в другую информационную среду.

Контрадикторность может формироваться в условиях расхождения концептосфер, разного понимания концептов. Наиболее очевидно такого рода разность проявляется в межкультурной коммуникации. Так, для англичан «пойти на компромисс» значит выработать приемлемое решение, для американцев – выработать плохое решение, потеряв нечто важное [7, с.90]. Внутрикультурная коммуникация не менее контрадикторна. В современных дискурсах практически отсутствуют ограничения, мотивированные лексическим значением таких слов, как *свобода*, *демократия*. Такого рода понятия склонны отрываться от канонических толкований и трансформировать значения в разных прагматических условиях. Слово «свобода» в толковом словаре имеет 9 значений, отсюда оправданность суждения «Свобод может быть несколько видов». Но ввиду сложности обретения этого состояния создаётся возможность парадоксальных дескрипций. Приведу в качестве подтверждения стихотворение В. Казанцева «Взгляды»:

- Свобода – свежесть, разноликость,
Неуспокоенность, боренье.
- Свобода – это мгла и дичость,
Разнузданность, столпотворенье.
- А рабство – это тьма, упадок,
Тоски бездонная пучина.

- А рабство – это строй, порядок.
- Объединённость, дисциплина.
- Свобода – это свет и братство.
- А рабство – чёрная невзгода.
- Свобода – это гнёт и рабство.
- А рабство – полная свобода!

Парадоксальный вектор толкования отчётливо проявлен по отношению к концепту *демократия: управляемая демократия* явно выходит за пределы словарного толкования «наделение граждан широким кругом прав и обязанностей». Объединение разных систем можно усмотреть в такой своеобразной предикации: «Российская демократия: перезагрузка».

Теория и практика повествования (нарратива), которая многое заимствует из арсенала парадоксальных когнитивных структур, сложившихся в языковом сознании представителей определённой культуры, и многое формирует сама, нагружает парадоксальные конструкции многими функциями – сюжетоведения, характерологичности, повышенной психологичности повествования. Несколько примеров из произведений В. Токаревой: «Во всём плохом, что происходит с детьми, виноваты родители, и даже если не виноваты, то виноваты всё равно», «Он помнил всё, что было между ними этой ночью, и не имело значения, что этого не было» («Длинный день»), «После перестройки их проектный институт развалился и все оказались на улице. Надо было крутиться, а папа крутиться не умел. Маме приходилось крутиться за двоих, и тогда в доме начались молчаливые скандалы. Это когда каждый внутри себя ругается, а вслух молчит. Но я всё равно всё слышала и была на стороне папы», «Потом Киреев курил и слушал конспекты по научному коммунизму и не понимал, чем конкуренция отличается от соцсоревнования, и почему конкуренция плохо, а соцсоревнование хорошо. Похоже, этого не понимал и автор научного коммунизма» («Сказать – не сказать...»).

Иллокутивный спектр аномалий велик. Он может строиться на интертекстуальных связях с отрицанием основы привычного суждения: « – Вы мыслите, – сказала Фигура, надкусывая гранат, струйки сока вновь засверкали в его бороде, – следовательно, не существуете...», «...небытие определяет моё сознание, / балансируя на кончике языка» (С. Соловьёв). Парадокс освобождает мысль от деклараций, мифов и стереотипов. Притяжение и отторжение сосуществуют, будоражат сознание. К этому приложима такая строчка из стихотворения С. Соловьёва: «Это речь, где слова в предложенье / Замирают на грани инцеста».

Высшую степень эпистемологической насыщенности, проявленной в условиях сжатого текста, являет парадоксальная афористика. Человечество благодаря таким афоризмам получает некое новое знание или уникальную возможность неординарной фиксации имеющегося знания. Противоречивая вербальная форма, то есть нарушение семантической корректности в афоризме такого рода, делает его коррелятивным с глубинами человеческой психики, поэтому явленный в афоризме смысл не уходит в прошлое, не утрачивает значимости для всё новых и новых поколений. Вот несколько примеров: «Есть люди, которые никогда не простят нищему, что не дали ему ничего» (К. Краус) – инверсированы причинно-следственные связи, зависимости между стимулом и реакцией; «Поиски счастья – это один из главных источников несчастья» (Э. Хоффер) – в интердепедентные отношения поставлены полярные понятия; «Нетерпимы будьте только к нетерпимости» (И. Тэн) – проявление «парадокса лжеца» в особом формате (заявленный отказ от нетерпимости размывается разрешением

нетерпимости): «Общественное мнение – это мнение тех, чьего мнения никто не спрашивает» (К. Теплиц) – противоречие между собирательным понятием «общественное мнение», которое должно быть результатом опроса, изучения, что невозможно, если никого не спрашивают; «Оригинальность – премьера банальности» (М. Нордау) – стёрта оппозиция между противоположными понятиями «оригинальность – банальность», то есть афоризм опережающе фиксирует смену одного другим; «Каждый парламент считает, что он прекрасно бы правил страной, если бы граждане ему не мешали» (В. Швабель) – парламент как представительный законодательный орган, которому мешают те, кто его выбирал.

В Энциклопедическом словаре культуры XX века В. Руднева есть словарная статья «Парадоксальная интенция» [б. с.314] – психотерапевтический приём, разработанный немецким психотерапевтом и философом Виктором Франклом, суть которого состоит в том, что психотерапевт предлагает пациенту делать то, что на 180 градусов противоречит здравому смыслу, чтобы разорвать порочный круг. В другой формулировке – клин клином выбить. Многие афоризмы, строящиеся на противоречиях, также реализуют приём парадоксальной интенции, выражающийся в дистанцировании от здравого смысла для привлечения к нему внимания.

Парадоксальное высказывание словно очищается от примесей, связанных с «потерей лица», создаёт контекст личного опыта говорящего, совпадающего с опытом адресата, испытывающего при этом благодарность за талантливо проявленную вербальную новизну. В парадоксе есть противоречие, но нет обмана, нет манипуляции с присущей ей отрицательной коннотацией. Не соответствуя многим нормативным постулатам, парадокс выполняет предписания коммуникативного постулата искренности – в этом правда противоречивого высказывания.

Нельзя исключить и тот факт, что парадоксальное высказывание может быть источником коммуникативного шума, так как у адресанта и адресата может быть разная база данных, разные пресуппозиции. Но в любом случае следует признать неплодотворным путь доказательства правдивости: это разрушает замысел и лишает парадокс свойства особого источника познания. В Энциклопедии афоризмов [10] представлено 14 высказываний по поводу парадокса. Приведу некоторые из них для подтверждения когнитивной самодостаточности этого феномена: «Кто ищет истину, держись у парадокса на краю» (И. Губерман), «Парадокс – это истина, поставленная на голову, чтобы на неё обратили внимание» (Г. Честертон), «Парадокс – это мысль в состоянии аффекта» (Г. Гауптман), «Сколько истин, признаваемых нами в настоящее время бесспорными, в момент провозглашения их казались лишь парадоксами или даже ересями!» (Ж. Робинз), «Парадоксы нужны, чтобы привлечь внимание к идеям» (М. Крейтон). Жизнеспособность и привлекательность этой мыслительной категории обеспечивается нетривиальной формой выражения, прерывающей вербальный автоматизм в сторону «стрелы познания».

Антиномическая структура человеческого сознания – основа парадокса, который разрешает логическую противоречивость как соприкосновение утверждения и отрицания, сказанного и подразумеваемого, желаемого и действительного, эмпирического и метафизического.

В парадоксе присутствуют скрытые смысловые компоненты, требующие особой интерпретации, основывающейся не столько на рациональных действиях, сколько на интуиции. Снятие строго нормативный запрет на объединение слов, частей высказывания, сегментов фразы, парадоксы связывают восприятие с картиной мира в

целом. Они синергетичны и заставляют симультанно воспринимать информацию о мире, основывающуюся на связях, не попадавших ранее в поле зрения.

С точки зрения теории познания, парадоксальные высказывания связаны с уходящим в бесконечность миром знания. Они выявляют невыявленное, но существующее и, следовательно, представляют собой живые образования в познании.

Общество, по наблюдениям культурологов, социологов, филологов, движется к упрощению. Скептики говорят о смене цивилизационного кода – переходе от слова к клипу, видеоряду, от слова в интеллектуализированной речи к опустошённому слову в рекламном слогане. Зоны актуальности и значимости перемещаются, и не только бытие определяет сознание (или наоборот), но и сознание определяет бытие. В этом контексте парадокс как особый тип мысли и вид дискурса чаще всего выполняет сохранную роль.

Противоречивые суждения – признак сложности и хрупкости мира, они выражают стремление понять эти свойства мира и достойно сказать о достигнутом понимании. Не исключено, что выход из парадоксального восприятия ценностей и бренности мира один – создание новых парадоксов.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Тавтологические и конрадикторные аномалии // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора // Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990.
3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
4. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М., 1998.
5. Дёмина Л.А. Парадоксы неререференциальности // Логический анализ языка. Избранное 1988-1995. – М., 2003.
6. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М., 2001.
7. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К., 2002.
8. Смирнова Е.Д. Парадоксы и мышление // Логический анализ языка. Избранное 1988 – 1995. – М., 2003.
9. Шмелёв А.Д. Парадокс самофальсификации // Противоречивость и аномальность текста. – М., 1990.
10. Энциклопедия афоризмов / Сост. Л.Г. Стахурская, М.Ф. Иванова. – Симферополь, 2005.

Поступила в редакцию 09.08.2006 г.